

Глава 155. Когда-то давным-давно жил один император

Новый взрыв негодования.

Естественно толпа снова забурлила от возмущения.

Они думали, что будут заниматься добычей чего-то, либо заниматься тяжёлым трудом, а на военной базе разместятся солдаты, которые будут за ними присматривать. Однако Цзян Чэнь хотел, чтобы они стали наёмниками!

Это, что, шутка? Они оставили свой дом, чтобы сбежать от войны. Разве то, что им придётся снова сражаться, это не обесценивает их цель?

Кто-то спросил об этом вслух, кто-то заявил, что Цзян Чэнь не имеет права принуждать гражданских брать в руки оружие и отправлять на поле боя.

Услышав это, все украинские ветераны расхохотались.

– Вы спрашиваете меня в чём смысл? Сами поймёте в будущем. Мне слишком лень объяснять вам банальные вещи. Говорите, я не имею права? Разумеется, нет, но, как я и сказал раньше: уходите, если хотите. Даю вам полчаса. Если вы всё ещё останетесь на базе, значит вы согласны.

Закончив речь, Цзян Чэнь развернулся и спустился с трибуны, не обращая на их протесты ни малейшего внимания.

Они не собирались ему аплодировать, да он в этом и не нуждался.

Совсем как рабы на базе Fishbone... когда они осознают, что все сопротивление бессмысленно, и поймут, что им предлагают, в сущности, комфортную жизнь, то рано или поздно смирятся.

К тому же Иван привьёт им абсолютную лояльность к организации и сделает из них прекрасных солдат.

Цзян Чэнь подошёл к Ивану и похлопал его по плечу:

– Оставлю их на тебя.

– Да, босс! – с энтузиазмом ответил славянин и по-военному выпрямился.

Цзян Чэнь удовлетворённо кивнул и помахал стоящей в отдалении Аеше. Чуть позже они вдвоём направились в главное здание.

По дороге Цзян Чэнь посмотрел на девушку и вдруг спросил:

– Аеша, ведь твой дом в Сирии?

– Ммм.

Парень на мгновение замешкался, а после продолжил.

– Ммм, тебе не некомфортно из-за того, что я делаю? В конце концов, речь идёт о твоём доме...

– Нет. Я всегда буду на твоей стороне, – Аеша покачала головой, и её равнодушное лицо

осветила тёплая улыбка. – Ты очень нежный человек.

Цзян Чэнь чуть не подавился слюной.

[Ты шутишь? В каком смысле нежный?]

– Хотя мне приятно, что ты обо мне думаешь, не уверен, что я могу согласиться. После первого раза, когда ему пришлось пустить в ход оружие, он никогда не колебался, прежде чем убить.

Вдруг его пальцы сжали изящные пальчики.

Кажется, что после их свидания девушке понравилось держаться за руки.

– Помнишь, когда мы встретились в грузовике? – тихо спросила Аеша.

Хотя парень ещё не понял, почему она вдруг вспомнила о прошлом, он улыбнулся и сжал её ладошку:

– Конечно помню. Как я мог забыть?

Забавно, но тогда он даже не понял, что Аеша – девушка.

– Ты был добр даже к незнакомке вроде меня. Ты угостил меня, увидев мои голодные глаза.

Цзян Чэнь улыбнулся:

– Ты имеешь в виду те печенюшки? Они дешёвые.

Аеша покачала головой и крепче сжала его руку. Изящно очерченные губы тронула улыбка.

– Но ты решил поделиться вместо того, чтобы сидеть и наблюдать.

Тихая одинокая девушка, стремившаяся к свободе, уже к тому времени попала в когти равнодушия.

Цзян Чэнь опустил голову и глубоко задумался.

[Поделился? Я правда это сделал? Вот значит, как я выгляжу в глазах других людей?]

Аеша кинула на него взгляд и нежно улыбнулась:

– Когда-то давным-давно жил один император. Он был щедрым, добрым и очень смелым. Его земли простирались от Фракии на западе до равнин реки Инд на востоке и от Аму Дарьи на севере до персидского залива на юге.

Этот император завоевал Дамаск, но в итоге люди, которых он завоевал, глубоко его почитали. Египтяне построили в его честь город, чтобы почтить его добрые дела, – негромко вымолвила девушка.

Услышав её слова, Цзян Чэнь неожиданно рассмеялся:

– Но империя прожила совсем недолго.

Она говорит об Александре?

На его замечание девушка лишь улыбнулась и не стала спорить.

Разумеется, он мог принудить их к послушанию, угрожая им оружием; мог воспользоваться их возлюбленными; мог применить силу, чтобы отнять волю к сопротивлению; мог заставить их жить в палатках и вообще, как угодно. По его правилам.

Однако он этого не сделал. Жизненные условия здесь были намного лучше, чем в любом другом лагере выживших. Цзян Чэнь даже предложил им зарплату и дал надежду.

Чувствуя исходящее от него тепло, Аеша прикрыла глаза и улыбнулась.

....

[Это, что, шутка? Пересечь пустыню на своих двоих?]

Беженцы были озлоблены и испуганы.

Однако все возражения, протесты, вызванные праведным негодованием людей, не оказывали никакого влияния на Ивана и прочих инструкторов. Украинцы просто стояли неподалёку подобно бронзовым статуям и молча наблюдали. Напряжение усилилось, но до столкновения не дошло.

Сила всегда была и остаётся лучшим сдерживающим фактором.

У всех тренеров на поясе висела винтовка; угрожающее чёрное дуло само по себе намекало на то, что случится с тем, кто попробует подстрекать к насилию других.

Полчаса пролетели быстро.

Иван улыбнулся и дал сигнал своим девяти товарищам окружить толпу.

...

В штабе Цзян Чэнь с Робертом бок о бок стояли у окна и наблюдали за тем, что происходит на площади.

– Бл*дь, я и не думал, что ты так хорошо умеешь чесать языком, – проворчал Роберт, опираясь о подоконник; изо рта у него торчала сигарета.

– Я вообще талантливый, – ухмыльнулся Цзян Чэнь, тоже облокотившись на подоконнике.

Дело было не только в таланте, но ещё и в практике. Если бы месяц назад ему пришлось выступать перед аудиторией свыше сотни человек, он вряд ли бы смог даже слово вымолвить. А теперь даже готовить речь заранее не потребовалось.

– Знаешь, кого ты мне напомнил, когда толкал речь на трибуне?

– Кого? – беззаботно поинтересовался парень, всё также наблюдая.

Там что-то происходило. Кто-то попытался отобрать у Ивана винтовку, но оказался быстро повержен.

– Гитлера, – Роберт спародировал фюрера и, рассмеявшись, добавил. – Но ты не принял на вооружение его методы. Тебе стоило бросить им краюху хлеба и сказать: «Вы получите еду

только когда поклянётесь мне в верности».

– В этом не было необходимости, – усмехнулся парень и отошёл от окна. – Я уже дал им достаточно стимулов.

А после он ушёл.

Посмотрев ему вслед, Роберт пожал плечами и продолжил наблюдать.

Похоже, бунт уже закончился.

Возможно благодаря опыту в подавлении восстаний, полученному на Украине, Иван с помощью своих соратников взял ситуацию под контроль.

Хотя беженцы ещё однозначно злились, они послушно разделились на десять групп, каждую из которых возглавлял тренер. Женщин и детей отправили обратно в дом.

Тренировка началась сразу же. Первое задание – пробежать два круга вокруг базы.

Обед будет лишь после того, как они закончат.

Не хотите сотрудничать? Тогда голодайте вместе с женой и детьми.

Если бы они отвечали только за себя, вполне могли найтись личности, желающие устроить бунт. Однако услышав, что страдать будут ещё и их семьи.

Всем пришлось смириться.

Под палящим солнцем можно было рассмотреть бегущие вокруг базы маленькие фигурки, оставляя за собой пыльный след.

Когда люди, наконец, завершили «миссию», то сразу же попадали на землю. Беспощадный инструктора не проявили по отношению к ним ни капли милости. Более того, ещё и сообщили, что бег станет частью их каждодневных тренировок.

Даже если люди и хотели жаловаться, сил на это у них не оставалось.

К счастью, наступил вечер, и тренировка на сегодня официально завершилась.

Когда уставшие беженцы добрались до столовой вместе со своими семьями и получили свои порции горячего, то неожиданно осознали, что всё не так плохо.

Жареная индейка с хрустящей корочкой, суп с тушёной бараниной, зелёный салат...

По крайней мере кормили здесь гораздо лучше, чем в лагерях беженцев.

Все были зверски голодны. Возможно из-за тяжёлой тренировки обед показался уставшим людям особенно вкусным.

Многие получили дополнительные порции. Цзян Чэнь не скупился на еду.

Хасан устроился за столиком рядом со своей женой, поставил перед собой суп с бараниной, а после взял булочку, окунул её туда и жадно откусил.

Глядя на своего уставшего мужа, Мэри взволнованно вытерла пот и грязь с его лба:

– Что они заставили тебя сделать?

– Пока только бегать... но кто знает, чем мне придётся заниматься позже? Проклятье! Эти тренеры просто нелюди! – выругался парень, с жадностью поглощая ужин. Он потратил слишком много энергии и теперь готов был съесть верблюда.

Неизвестно, намеренно ли отбирали людей, но все присутствующие в столовой оказались современными христианами. Никто не носил хиджабов или платков.

Хасан жевал хлеб с курицей и раздумывал о будущем.

Ему было двадцать, его жене девятнадцать. В прошлом году они планировали завести ребёнка, но атмосфера в стране неожиданно накалилась, когда ИГИЛ завоевало уже почти половину Сирии. Будучи «еретиком», он не осмелился оставаться в родном городе и, взяв с собой жену, отправился в лагерь беженцев на границе.

Парень не знал, считать то, что он оказался здесь, везением или проклятием.

Стать наёмником? Он никогда о таком и не думал.

Но, похоже, сейчас ему не оставили особого выбора.

– Ты... отправишься на передовую? – неохотно спросила Мэри.

– Если я стану наёмником, то возможно, – он скривился и откусил ещё кусок хлеба, а после перевёл взгляд на инструкторов, которые тоже пришли сюда поужинать.

Он не знал, чего ждать в будущем.

Однако этот рассчитанный на три года контракт давал ему слабую надежду.

– Давай заведём ребёнка через три года? Я буду усердно работать, чтобы обеспечить тебя и детей, – пообещал Хасан.

Мэри смущённо посмотрела на него затуманенным взглядом и застенчиво опустила голову.

– Хорошо.

В любом случае, раз уж здесь, вместе с ним его единственная семья, он просто должен постараться ради неё.

А пока нужно просто подождать и посмотреть, что случится в будущем.

Мысли Хассана отражали мысли всех новоявленных рекрутов на базе.

По крайней мере кормят здесь отлично. В этом плане жаловаться не на что.